

Онъ вспомнилъ все, что онъ видѣлъ нынче: и женщину съ дѣтьми безъ мужа, посаженного въ острогъ за порубку въ его Неклюдовскомъ лѣсу, и ужасну^к Матрену, считавшую или, по крайной мѣрѣ, говорившую, что женщины ихъ состоянія должны отдаваться въ любовницы господамъ; вспомнилъ отношеніе ея къ дѣтямъ, пріемы отвода ихъ въ воспитательный домъ и этотъ несчастный, старческій, улыбающійся, умирающій отъ недокорма ребенокъ въ скуфеечкѣ, вспомнилъ эту беременную, слабую женщину которую, должны были заставить работать на него за то, что она, измученная трудами, не усмотрѣла за своей коровой, которой єсть нечего; и тутъ-же вспомнилъ острогъ, бритыя головы, камеры, отвратительный запахъ, цѣпи и рядомъ съ этимъ—безумную роскошь своей и всей городской, столичной, господской жизни. Все было совсѣмъ ясно и несомнѣнно“.

Да, и для Л. Н. Толстого было ясно и несомнѣнно, что жалѣть землю нельзя, что нельзя не отдать ее тѣмъ, кто жить безъ нея не можетъ, но онъ былъ слишкомъ туманный, слишкомъ добрый человѣкъ и его душа не могла примириться съ насильственнымъ отчужденіемъ земли, даже у тѣхъ, кто не имѣлъ на нее ни малѣйшаго права.

Нашъ долгъ сейчасъ прислушаться къ голосу Л. Н. Толстого и не стать насильниками, самовольно захватывающими землю, такъ какъ это дѣло не наше частное, а дѣло всѣхъ людей и всѣхъ людіи, весь „міръ“ и должны сдѣлать его въ Учредительному Собранию.

Л. Н. Толстой не могъ отдѣлаться отъ мысли привитой старымъ русскимъ правительствомъ, что мужика, крестьянина нужно опекать, заботиться о